

практического применения, тогда как обычно, стараясь быть полезными, историки лишь предоставляют оправдания для правящего режима. По мнению Герасимова, профессия историка полезна не потому, что она накапливает знания о прошлом, а потому, что она позволяет расширить социальное воображение. Докладчик также подчеркнул принципиальные, на его взгляд, различия между антиколониальным и деколониальным подходом. В интерпретации Герасимова антиколониальное сопротивление фиксируется на фигуре угнетателя, тем самым воспроизводя последствия угнетения. Так, в СССР принято было в качестве жупела ссылаться на кровавое наследие царизма: этот режим перестал существовать, но свойственные ему структуры гегемонии в новых условиях сохранились или даже были усилены. В противовес этому постколониальная мысль стремится демонтировать сами эти структуры. В этом смысле постколониальная ситуация похожа на биографию потерпевших от системного домашнего насилия: нельзя забывать о нем, но нельзя и позволить этому опыту влиять на всю последующую жизнь. Поэтому деколонизация, по мысли Герасимова, должна способствовать не только и не столько осмыслению прошлого, сколько изобретению новых эпистем и новых способов помыслить себе социальную сопричастность.

Ксения Гусарова

Общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики»

*(Европейский университет в Санкт-Петербурге,
исследовательский центр «Res Publica», 15–16 декабря 2023 года)*

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_414

15–16 декабря 2023 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге в седьмой раз прошла ежегодная общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики», организованная исследовательским центром «Res Publica». В этом году в качестве основного акцента конференции была выбрана тема «“Общественное” и “публичное” как политические формы: борьба традиций и сценарии будущего». Участники события обсуждали вопросы генеалогии и специфики понятий, связанных с «обществом» и «публикой», публичную сферу и режимы публичности, а также праксеологическую философию языка. В поле внимания выступающих попали и «классические» темы конференции, например исторический опыт Великого Новгорода, а среди докладчиков, как и прежде, были представители самых разных дисциплин: специалисты в области современной философии и социальных наук, историки, политические теоретики. Отдельно стоит отметить, что конференция, по сравнению с прошлым годом, вновь заявила о себе в полную двухдневную силу, что отразилось как на количестве докладов, так и на разнообразии дискуссий и исследовательских перспектив.

Первый день конференции был открыт панелью «Политическая теория: “общественное” и “публичное” между прошлым и будущим» (секция 1), модератором которой выступил *Олег Хархордин* (ЕУ СПб).

Открывающий доклад «*Метафора/метафизика света в исследованиях публичности*» представила Татьяна Вайзер (Дрезденский университет / «Новое литературное обозрение», Москва). Основное внимание ее выступления было уделено метафорам «света» («глаза», «ока», «видения» и т.п.) в европейской традиции осмысления публичности и тому, как их значения меняются в исследованиях советского типа публичности. Среди важных авторов, использовавших эту метафорику, докладчица упомянула как канонических европейских мыслителей (И. Канта, И. Бентама, Ю. Хабермаса, Х. Арендт), так и некоторых российских исследователей — например, В. Волкова. Опираясь на идею двойственности природы света у Иеремии Бентама, Татьяна Вайзер показала, как можно вывести иную, чем заложенная в традиции Просвещения, функцию «света публичности» — понимаемого английским философом как организующий принцип с механизмами прозрачности, надзора и контроля. Именно последнее значение докладчица использовала для реконструкции публичности советского типа с присущими ему практиками публичной самокритики и покаяния (1930-е годы), горизонтального доносительства (1930—1950-е годы) и коммунального общежития. Свет здесь — свет-проектор, освещающий путь к лучшему будущему, выявляющий недостатки и организующий публичную сферу как сферу видимости, где невозможно укрыться в тени частного. Вайзер завершила доклад различением следующих из этой метафорики двух модальностей мира — где свет, с одной стороны, позволяет нам видеть и различать друг друга в логике взаимного признания (в духе Арендт и республиканской традиции) и, с другой, выполняет надзирающую функцию — и предположила возможное значение такого различения для исследований советской публичности.

Второй доклад был представлен *Виктором Каплуном* (ЕУ СПб) и был озаглавлен «*Что такое Просвещение: опыт публичного и бессмертия*». С точки зрения докладчика, существуют три версии кантовской традиции понимания Просвещения через публичную сферу: Ю. Хабермаса, М. Фуко и Х. Арендт. Именно на последнем, арендтианском прочтении Канта (связанном также с феноменом греческого полиса) Виктор Каплун сделал основной акцент в своем выступлении, ведь — как утверждает докладчик — именно эта интерпретация Просвещения оказывается более эвристически интересной (и созвучной) для русской культуры периода появления в ней первого опыта публичности. «Практики себя» и понимание себя образованной российской публикой этого периода, с точки зрения Каплуна, были тесно связаны с экзистенциальным опытом и идеей бессмертия. Далее Виктор Каплун напомнил о кантовском различении частного и публичного использования разума, где именно второе («перед всей публикой читающего мира») оказывается основанием просвещения, а с точки зрения Арендт, — основанием политического (в греческом полисном смысле) в целом, понимаемым не просто как «свобода слова», а как сама реальность, данная как множественность, пересечение разных человеческих перспектив. Также, по мнению докладчика, именно такая форма публичного возникает в русской культуре в екатерининскую и затем в александровскую эпоху, когда образованные люди из дворянской среды начинают мыслить себя и свои практики через призму достижения бессмертия.

Третий доклад, под названием «*Ликвидация общественного мнения: как политическая теория лишилась одного ключевого понятия*», прочитал Григорий Юдин* (МВШСЭН)¹. С его точки зрения, в современной политической теории термин «общественное мнение» утратил свое прежнее нормативное значение, однако предположение Ю. Хабермаса о том, что это было связано исключительно с по-

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

1 Аффилиация докладчика указана на момент проведения конференции.

явлением эмпирической науки об общественном мнении в 1930-е годы, не кажется убедительным. Докладчик напомнил о дискуссиях об общественном мнении конца XIX — начала XX века (Дж. Брайс, А. Лоуэлл, У. Липпман, К. Шмитт), а также об общих чертах такого взгляда, где общественное мнение: 1) всегда дано заранее; 2) внутренне целостно; 3) пассивно; 4) дано как агрегирование индивидуальных голосов. Процесс развития такой интерпретации общественного мнения (и сопутствующих этому эмпирических средств его фиксации) Юдин* охарактеризовал как деполитизацию общественного мнения, у которой есть несколько элементов: 1) его натурализация; 2) восприятие как суммы индивидов; 3) уравнивание опросов общественного мнения с демократией. Таким образом, с точки зрения докладчика, триумф эмпирической науки об общественном мнении является следствием победы определенного теоретического взгляда на общественное мнение.

Завершающий доклад секции, «Композиционизм Бруно Латура: новая политическая теория для нового климатического режима», был прочитан Иваном Наумовым (ЕУ СПб). С его точки зрения, композиционизм — это политическая теория, предполагающая нахождение процедуры составления общего мира как композиции агентов, которые могли бы обеспечить максимальному количеству населяющих этот мир существ максимально хорошие условия существования. Докладчик реконструировал основные вехи политического теоретизирования Б. Латура: 1) 1980-е: работы о Л. Пастере и обоснование политического статуса деятельности по выведению в явление новых агентов; 2) 1990-е: возникновение идеи композиции и необходимость переустройства несовершенного из-за «политической эпистемологии Науки» мира, а также идея «парламента вещей» — институционализации процедуры составления общего мира; 3) 2000-е: Dingpolitik, или политика вещей, пришедшая на смену идее парламента вещей, — процедура построения общего мира, основанная на модели прямой демократии. Также Иваном Наумовым был затронут вопрос о политических модусах существования у Латура, под которыми можно понимать различные типы высказываний, имеющие свои критерии истинности и особенности воспроизведения, при этом политически истинным высказыванием оказывается только такое, в результате которого вокруг какой-либо проблемы была образована заинтересованная в ней группа людей. Затем докладчиком была определена двойная задача композиционизма: 1) релятивизировать современную космограмму среди прочих взглядов на устройство мира и 2) предложить собственную космологию, отвечающую требованиям нового климатического режима. Также были приведены основные послышки теории композиционизма: 1) от природы к коллективу; 2) от критики и matters of fact к matters of concern; и 3) от идеи прогресса к поиску «перспектив». Кроме того, отдельный акцент докладчиком был сделан на латуровском позднем призыве к поиску «общей почвы» и необходимости «приземлиться».

Затем конференция была продолжена круглым столом «Федор Карпов и классический республиканизм», участники которого обсудили политическую составляющую творчества знаменитого русского мыслителя XVI века. Модератором стола выступил Павел Лукин (ИРИ РАН, Москва).

Первым спикером в рамках этой дискуссии стал Олег Хархордин, начавший свое рассуждение с упоминания классических интерпретаций политико-теоретических понятий у Карпова, а также реконструкции версии немецкого слависта Д. Фрайданка, подробно разобравшего цитирование Карповым Аристотеля (которого тот, по мнению Фрайданка, читал на латыни). Однако, по замечанию Хархордина, деление на три формы правления (монархию, аристократию и политику) не соблюдается Карповым в некоторых частях «Послания к митрополиту Даниилу»,

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

где он, например, последовательно употребляет схожие понятия «начальство», «владычество» и «господство» или вводит новые слова, которые приводят к смешению аристотелевской триады. В конце выступления Хархордин воспроизвел аргумент И. Голенищева-Кутузова о влиянии на метафорику Карпова итальянских юристов XIV века Чино да Пистойя или Бартоло да Сассоферрато. Сообщение было резюмировано выводом о понятийной непоследовательности Карпова и необходимости тщательного анализа его аргументации.

Следующий участник круглого стола, *Константин Ерусалимский* (ЕУ СПб), уделил большее внимание контексту создания посланий Карпова — его интенциям, позициям и ролям. Выступающий особенно отметил занятость Карпова на различных дипломатических, «посольских» делах, а также указал на некоторые линии прочтения идей Карпова в качестве «боярина»-западника, в отдельных случаях — противника русского централизованного государства, в других — его сторонника, провозвестника Реформации, или же республиканца и имперского мыслителя. В дальнейшем Константин Ерусалимский обратился к истории бытования текстов Аристотеля в России того времени, аристотелианским интерпретациям троичной схемы Карпова «или дело народное, или царство, или владычество», а также возможным попыткам синтеза таких интерпретаций с библейским языком — то есть симбиоза политического и церковного начал. В конечном итоге Ерусалимский сделал предположение о возможной роли текстов Карпова как части дискуссий между царской и церковной властью того периода и некоторых идей или сюжетов, складывающихся параллельно их написанию.

Завершил дискуссию *Михаил Кром* (ЕУ СПб), в своем комментарии сделавший акцент на социальной и литературной среде, к которой принадлежал Федор Карпов. Выступающий обратил внимание на то, что как сам Карпов, так и его адресат, митрополит Даниил, были царедворцами, а также на разницу их социальных позиций в период переписки — прочное положение Карпова и скверную репутацию Даниила. Отдельно Михаил Кром реконструировал круг общения Карпова, в который, помимо митрополита, входили Максим Грек, Василий Тучков, Филофей, Мисюрь Мунехин, Дмитрий Герасимов и др. Затем он обратил внимание на структурный состав послания Карпова: 1) первая риторическая, «велеречивая» часть; 2) центральная аргументационная часть с обсуждаемой триадой и другими политическими понятиями; и 3) еще одна риторическая часть — и значение «учености» и отсылки в этом письме.

Третья панель первого дня конференции под названием «Интеллектуальная история России XVIII—XIX вв.: рождение “общества”, рождение “публики”» (секция 1) прошла под модерацией *Виктора Каплуна* (ЕУ СПб).

Первый доклад этой секции, «*Чье благо? И благо ли? “Общее благо” и форма правления в естественноправовых текстах в России первой четверти XVIII в.*», был прочитан *Михаилом Киселевым* (УрФУ / ИИА УрО РАН, Екатеринбург). В самом начале докладчик воспроизвел распространенное в историографии мнение о том, что Петровские реформы проводились во имя «общего блага», и подверг его критике, обратившись к предполагаемому источнику таких суждений — манифесту «О вывозе иностранцев в Россию» (1702), — в котором указанных формул об «общем благо» не обнаруживается. Затем Михаил Киселев привел еще несколько цитат из историографии петровских преобразований (как дореволюционной, так позднесоветской и российской), в которых утверждается ориентация этих реформ на «общее благо» (например, в рассуждениях Феофана Прокоповича) и их теоретические предоснования в работах некоторых западных мыслителей (Г. Гроция, С. Пуфендорфа). Здесь докладчик также отсылает к переводам этих авторов петровского времени — за авторством Кохановского, Кречетовского и Бужинского, — в каждом из

которых отсутствует какое-либо упоминание «общего блага» в качестве перевода политических понятий, используемых Пуфендорфом. В заключение Михаил Киселев обратился к одному из основных идеологических трудов этого периода, «Правде воли монаршей» (1722) Феофана Прокоповича, где также отсутствуют аналоги понятий *respublica* и *salus publica* (общее благо), но присутствуют понятия «народ» с его «пользой», а также традиционная для русского политического языка прошлых веков формула «государь, владеющий своим “государством”».

Следующий доклад этой секции, «*“Публика не знаменует целого общества, но малую часть оного”: слово “публика” в русском языке XVIII—XIX вв.*», представила Виктория Истратий (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург). В самом начале докладчицей были определены основные значения слова «публика» в текстах петровской эпохи: 1) то же, что и «общество»; 2) то же, что и «государство»; 3) публичная церемония (придворная, дипломатическая, военная); 4) официальное объявление, в том числе исходящее от органов государственной власти; плакат с текстом такого объявления; 5) публичные торги. Последние три значения достаточно рано выходят из употребления — значение «публичная церемония» уже не встречается во второй трети того же столетия, значения «официальное объявление» и «публичные торги» употреблялись до конца XVIII — начала XIX века. Отдельно Виктория Истратий остановилась на значении «публики» как «государства» в двух текстах — словаре из архива графа Уварова 1730 года и Ништадтском мирном договоре 1721 года, — в которых слово «государство» представлено в качестве возможного русского аналога еще плохо освоенному иностранному слову «публика». Также докладчица упомянула некоторые словари этого периода (вплоть до конца XVIII века), в которых слово «публичный» дано в значении «всемирный», а «публика» синонимична «народу». Однако к концу XVIII века значение слова «публика» сужается и в результате начинает обозначать либо просвещенную часть общества (тех, кто способен иметь суждение о политике, законах, литературе и искусстве), либо «адресатов» произведений искусства — читателей, зрителей.

Заключительный доклад был представлен Андреем Теслей (БФУ, Калининград) и был озаглавлен «*Славянофильская концепция “общества” в его отношении к “народу” и “государству”, 1840—1880-е годы*». По замечанию докладчика, в 1820—1840-е годы для славянофильского круга был актуален вопрос о том, как действовать вне статской или военной службы. Большое влияние на комплекс идей славянофилов в этот период (рубеж 1840—1850-х) оказали два события 1848—1849 годов: «Весна народов» и сопутствующий этому (хотя, в некоторых моментах, и предвосхитивший его) консервативный разворот российской внутренней и внешней политики. Именно здесь же начинает складываться славянофильская (в большей степени — у Константина Аксакова) доктрина «земли и государства», появляться идеи о безгосударственности русского народа, внешней по отношению к русским природе государства — однако идеи об «обществе» появляются (уже у Ивана Аксакова) только в 1861—1862 годах, причем вытесняя идеи о «земле», на смену которым приходит, помимо «общества», также понятие «народ». Общество, по Аксакову, состоит из отдельных частных людей, которые обладают самосознанием и выступают от имени некой общности, то есть это народ в стадии саморефлексии — и это же, по мнению русского мыслителя, выгодно отличает русское словосочетание «общественное мнение» от его европейских аналогов (качественно различая здесь «публику» и «общество» в пользу последнего), общество не просто противопоставлено государству, но и способно на коллективное действие.

Первый день конференции был завершён двумя знаковыми презентациями, связанными с издательством «Новое литературное обозрение»: обсуждением русского перевода книги Ю. Хабермаса «Новая структурная трансформация публич-

ной сферы и делиберативная политика» (М.: НЛО, 2023; нем. изд. Suhrkamp, 2022) и специального номера журнала «Новое литературное обозрение» «Антропология (не)насилия в русской культурной истории» (2023, № 184).

В дискуссии по поводу книги Хабермаса приняли участие Татьяна Вайзер, Григорий Юдин*, *Дмитрий Калугин* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) и *Николай Нахшунов* (МВШСЭН). Татьяна Вайзер отметила, что представленная книга является подведением итогов долгой истории рецепции первой книги Хабермаса о публичной сфере, положившей начало концептуализации этого феномена и многочисленных дискуссий, а также ставшей отправной точкой для формирования множества расширительных толкований и контрконцептов — альтернативных публичных сфер, контрпублики, полупубличной сферы и т.п. Также она рассказала про некоторые новшества в подходе Хабермаса, которые отразились в книге и стали имплицитными ответами на критические суждения в адрес исходной концепции. Например, его усилившееся внимание к нормативной теории, отношение к консенсусу не как к цели, а как к недостижимому желанию, а также акцент на агональной и аффективной природе демократического процесса (в ответ на критику со стороны теоретиков агональности и феминизма). Григорий Юдин*, в свою очередь, указал на радикально эмансипаторную роль мысли Хабермаса в период выхода его первых работ, обозначил ряд интересных терминов, которые упомянуты в новой книге, а также обратил внимание на трагичную роль самого немецкого мыслителя — мир, который, во многом, был сформирован его книгой про публичную сферу, находится сейчас в серьезном кризисе. Кроме того, Юдин* указал на проблематичность соотношения исторического и нормативного в теории Хабермаса, а также тех противоречий, которые оказались сокрыты как в его прошлых трудах, так и в новой работе. Николай Нахшунов раскритиковал Хабермаса за то, что тот в своей свежей книге разбирает уже знакомые проблемы и не задается новыми вопросами, а также за то, что немецкий философ не учитывает желания Другого в понимании себя. Отдельно Нахшунов обратился к рецепции Хабермасом античного политического опыта (в первую очередь Рима) и указал на проблематичность исключения им множественности эпистемологических позиций, которые могут быть присущи Другим, и опасность замалчивания голосов, которые находятся за пределами выбранного им вида рациональности. Среди положительных черт хабермасовской теории Нахшунов назвал важное значение возможности говорить «нет». Дмитрий Калугин рассказал, что для него Хабермас — это в первую очередь создатель очень яркого образа публичности с характерными для нее институтами и общественным мнением — причем этот образ сохраняется и в новой книге, хотя и спустя шестьдесят лет площадки и платформы этой публичной сферы видоизменяются. В конце Калугин обратил внимание на актуальность концепции Хабермаса для анализа журнальной коммуникации в России 50—60-х годов XIX века.

Затем Татьяна Вайзер и Дмитрий Калугин кратко представили недавно вышедший специальный выпуск журнала «Новое литературное обозрение», основными линиями которого, по словам Вайзер, стали вопросы о том, как переосмыслялась традиция ненасилия, как можно мыслить ненасилие сегодня, а также как мыслить культурную историю России в свете идеи «ненасилия». Также она указала на важность проблематизации четких границ между насилием и ненасилием и необходимость семантического переосмысления этих понятий.

Второй день конференции был открыт панелью «Политическая теория: “общественное” и “публичное” между прошлым и будущим» (секция 2), модератором которой выступил *Александр Филитов* (НИУ ВШЭ, Москва). Первый доклад, *Алек-*

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

сандра Марей (НИУ ВШЭ, Москва) «Смерть народа, рождение общества: об эволюции понятия *societas*», был начат с реконструкции одного из основных сюжетов античной и средневековой политической теории — понятия «народ», или *populus*, и его трактовок: 1) у Цицерона через *consensus* и 2) у Блаженного Августина через *concordia*. Затем, с точки зрения докладчика, крайне серьезное влияние на значение этого понятия оказал Фома Аквинский, определивший «народ», в отличие от предыдущих двух авторов, не через его внутреннюю составляющую (согласие), а через такие внешние характеристики, как общность территории, общность данных королем законов и общность образа жизни. «Разрушив» понятие «народ», для описания человеческих сообществ теолог предложил взамен использовать понятие *communitas*, как заимствованное из латинского перевода Аристотеля греческого слова *koinonia*. Дальнейшая томистская традиция обратилась к понятию *societas*, основные значения которого, с Античности до Средневековья, докладчик привел в сообщении: 1) договор товарищества в римском праве; 2) союз, общение в Священном Писании; и 3) сообщество воинов, монахов, купцов, флагеллантов и т.д. или соучастие в доходах с того или иного участка земли. Также Марей проследил динамику развития употребления слова *societas* позднее — у Франсиско де Витория, Франсиско Суареса и Гуго Гроция. Докладчик пришел к выводу о том, что слово *societas* в Новое время (у авторов теории общественного договора) заменило как слово *communitas*, так и *populus*, а в качестве возможной причины этого указал на становление современного государства, для функционирования которого не требуется иной политической субъект (например, народ) помимо него самого.

Второй доклад секции, «Отсутствии концепции *societas* в России до XVIII века, и к чему это привело», был представлен Олегом Хархординым. Докладчик сразу же начал свое выступление с основного тезиса, согласно которому в русском языке из-за отсутствия влияния римского права на термин для обозначения всех живущих в данной стране («общество»), почти не повлияло латинское понятие *societas*, подразумевающее контракт о совместном предприятии. Также докладчик остановился на переводе С. Пуфендорфа Гавриилом Бужинским в 1718 году, где *societas* дано как «дружество», а также привел классификацию типов *societas* в римском праве и краткую справку о дальнейших употреблениях этого слова в европейских источниках. В екатерининское время активно внедряемое слово «общество» обладало несколькими значениями: 1) то же, что и «государство», 2) «градское общество» и 3) разные ассоциации по типу Вольного экономического общества. Отличие от европейских словоупотреблений Хархордин обнаруживает в том, что в России дольше сохранялось отождествление общества и государства, а также связь термина *society* в западноевропейских языках с понятиями римского права. В качестве источника возможного влияния на оформление русского понятия «общество» докладчик упомянул слово *koinonia*. В деловом языке Византийской империи оно служило категорией для передачи латинского *societas*, товарищества. Попытки сочетания двух значений этого термина во время его введения в екатерининскую эпоху — *societas* и *koinonia* — стали источником дополнительного напряжения. Как в итоге показал докладчик, с XIX века в России начинает преобладать значение «общества» именно как койнонии (то есть не контрактного товарищества, а как изначально данного единства, общности). Олег Хархордин завершил свой доклад с опорой на историю развития схожего слова *друштво*, включающего в себя обе представленные выше коннотации, в сербском и хорватском языках, предложением обратиться к схожим понятиям и в русском языке — и «возвеличить не общность общества, а дружость или дружество, лежащие в основе общения разных и других».

Третьим и заключительным докладчиком секции стал Антон Прокопчук (независимый исследователь, Минск). Свое выступление, озаглавленное «История

как утопия и республиканизм сегодня: случай “Республики Океаны” Джеймса Харрингтона», он начал с констатации кризиса сегодняшнего момента, а также некоторых противоречий современной республиканской традиции — в том числе проблемы двойного значения слова «республика»: как некоей политики вообще и как противовеса монархии («исключающая» линия). Затем докладчик перешел к республиканской теории Джеймса Харрингтона и отметил ее основные черты: связку гражданства, оружия и земельной собственности; верховенство законов, а не людей; разделение на учредительную и учрежденную власть — и их связь с аграрным законом. Кроме того, Прокопчук указал на смешение в нарративе Харрингтона истории и утопии, а также его влияние на размышления аббата Сийеса — и тех различиях, которые можно обнаружить в их аргументации. В конечном итоге докладчик порассуждал о возможности возрождения классической республиканской традиции, не вписанной в реальность современного государства, сделав вывод об утопическом и идеальном характере такой интуиции.

Шестая панель конференции была названа «Республиканизм в XVII веке», а ее модератором выступила Наталья Потапова (ЕУ СПб). Первый доклад этой панели, «Тирания или “позитивное варварство”? Социальный уклад “Московши” глазами венецианского дипломата середины XVII в. (по *Relazione della Moscovia Альберто Вимины*)», был прочитан Тимуром Шаиповым (МГУ). В указанном сообщении венецианца, по словам докладчика, были представлены не только сведения о географии и климате, ее природных богатствах, обычаях и религии жителей, силе армии, но также и целостная и концептуальная картина социального устройства Московии. Свой рассказ Вимино выстраивает на нескольких основаниях: укоренившемся в европейских источниках тезисе о рабстве москвитов (однако Вимино находит в нем свои преимущества), их «счастливом неведении», довольстве установленным порядком и его особых симпатиях к земледельцам. Алексей Михайлович в труде Вимино — гарант социального порядка и добродетельный правитель с чертами «варвара». С точки зрения Тимура Шаипова, здесь венецианский дипломат включается в контекст генезиса политической мысли раннего Нового времени и в дискуссию о пользе власти суверена, в духе Томаса Гоббса, где отсутствие свободы значит отсутствие «войны всех против всех». Таким образом, *Relazione della Moscovia* предстает дидактическим примером «позитивного варварства», отражением идей о золотом веке и представлении «Московии» как части «европейских Индий».

Второй доклад, «Использование исторических моделей и развитие теории *Commonwealth* Дж. Харрингтона (на примере Древнего Израиля и Спарты)», представил Дмитрий Козлов (ИГУ, Иркутск). Свой доклад он начал с реконструкции основных дискуссий, посвященных главной работе Харрингтона («Республика Океания») и касающихся жанра, стиля, общей структуры книги, отсылки и контекста ее возникновения. Два основных сюжета, на которых сконцентрировался докладчик, — это размышления Харрингтона о Древнем Израиле и Спарте, а также тех дискуссиях, которые возникли среди его современников по поводу адекватности использования таких исторических примеров. Одна из основных линий в мысли Харрингтона, зафиксированная Дмитрием Козловым, — его отношение к истории, то есть и к Античности, как к модели (что ближе к ренессансному взгляду), а не как к тому, чего больше нет (что больше соответствует историзму). Однако это наблюдение, как и наличие у английского мыслителя цельной исторической методологии как таковой — остаются предметом исследовательской дискуссии. Использование Харрингтоном модели Древнего Израиля подвергалось критике со стороны его современников, настаивавших на уникальности ветхозаветного опыта и эксклюзивности этой республики для евреев, связанной с Божественным Откровением;

такую же критику вызвало и использование им примера Спарты — особенно со стороны П. Хейлина и Г. Стабба. Как резюмировал докладчик, поиск золотой середины между различными древними и современными политическими практиками является важной особенностью работ Харрингтона.

Финальный доклад панели, «*Может ли тори быть республиканцем? Использование республиканских концептов в английской публицистике конца правления Вильгельма III Оранского (1689—1702)*», представил Павел Князев (МГУ). Выступление он начал с краткого описания «Славной революции» 1688—1689 годов, а также сложившегося по ее итогу «вильямитского» консенсуса, состоявшего из тори и вигов двора и тори и вигов страны, а также тех, кто был из него исключен — якобитов и неприсягнувших. Докладчик остановился на круге «новых республиканцев» и их попытках реабилитировать понятие *Commonwealth* после «Славной революции», стремлении отделить значение этого слова от опыта республики времен Кромвеля; еще одной важной идеей этих авторов было противостояние введению постоянной армии и их симпатии в пользу гражданского ополчения. В финальной части своего доклада Павел Князев сконцентрировался на фигуре Чарльза Дэвенанта и его трактате «Правдивый портрет нового вига» (1701), бывшем ярким примером политической сатиры и использования автором-тори концептов, близких к республиканскому словарю.

Седьмая панель конференции называлась «Элементы республиканизма в средневековой Руси?» и прошла под модерацией Константина Ерусалимского. Открыл секцию Павел Лукин (ИРИ РАН, Москва) докладом «*Новые данные о новгородской политической терминологии*». Лукин начал выступление с реконструкции эволюции обозначений новгородского политического сообщества (с XI—XII веков до второй половины XV века), включавшей в себя такие формулы, как «весь Новгород», «господин Великий Новгород», «Бог и Великий Новгород» и др. Важность исследования этой терминологии Павел Лукин объяснил существующими историографическими дискуссиями по поводу функций этих понятий: были ли они выражением коллективного единства (то есть отсылали к политическому народу) или только риторическими фразами, помогавшими Новгороду отстаивать равенство с князьями и права на «суверенитет»? Серьезный акцент в этой полемике направлен на латинское понятие *communitas* (и близкие к нему), а также те возможные соответствия, которые можно обнаружить в новгородских политических терминах — с точки зрения Павла Лукина, таким сочетанием мог быть «весь Новгород» и его производные, что подтверждается приведенными им выдержками из источников. Докладчик завершил свое выступление несколькими выводами, указывавшими на то, что в Новгороде конца XIV века существовало четкое представление о политическом сообществе, требовавшее своего терминологического выражения, которое, в свою очередь, свидетельствовало о существовании в Новгороде этого периода республиканского самосознания.

Второй доклад, «*Все двиняне, все новгородцы и великий князь: публичные аспекты конфликта 1397—1398 гг. в Заволочье*», прочитал Сергей Городилин (ИРИ РАН, Москва). Его основное внимание было направлено на исследование мотиваций и аргументации воюющих сторон. Вначале докладчик восстановил краткую предысторию конфликта — принятие Василием Дмитриевичем под свой патронат Двинской земли и следующая за этим оккупация нескольких городов (лето — осень 1397 года), разрыв отношений Новгорода и великого князя (осень 1397 года), предложение новгородцев о возвращении status quo и мире (зима 1397—1398) и т.д. Докладчик отметил некоторые новшества политического языка, нашедшие свое отражение в источниках и зафиксировавшие восприятие этих событий новгородцами в качестве угрозы всему новгородскому сообществу (с соответствующими

щими обоснованиями). Публичное же предложение двинянам защиты со стороны великого князя позволяет говорить о двинянах как о едином политическом народе, что является уникальной ситуацией для русского Средневековья и, как отметил Сергей Городилин, требует отдельного дальнейшего осмысления.

Третий доклад, «*Избрание епископа в домонгольской Руси: личный выбор или общественные выборы?*», был прочитан Андреем Виноградовым (НИУ ВШЭ, Москва). Вначале докладчик отметил две тенденции, существовавшие в восточном христианстве, при выборе епископов — церковная линия, нацеленная на отстранение верующих от этого процесса, и государственное законодательство, наоборот, закрепляющие их участие. Затем Виноградов сконцентрировался на нескольких основных вопросах, позволяющих раскрыть суть описываемого им института: кто именно выбирал епископа (митрополит Киевский или сами князья), правила и этапы самой процедуры. Отдельно докладчик остановился на случае Новгорода и тех особых правах, которыми обладали новгородцы для выборов такого характера. После этого докладчик на летописном материале восстановил процедуру новгородских выборов, а также выделил несколько моделей выборов епископа на Руси (в зависимости от состава участников и инстанций финального решения).

На последней панели второго дня и всей конференции «Интеллектуальная история России XVIII—XIX вв.: рождение “общества”, рождение “публики”» (секция 2) модератором стал Олег Хархордин. Первый доклад в рамках этой панели, «*Война и публичное пространство в России и Западной Европе в XVIII веке*», прочитал Денис Сдвижков (независимый исследователь, Москва). Выступление он начал с рассказа о формирующейся с середины XVIII века в Европе модели «монархического патриотизма», которая признается фактором успешного ведения войн (например, для Великобритании и Пруссии). В свою очередь, в России война еще с допетровских времен была важным источником артикуляции светских смыслов, а Петровские реформы начинаются как реформы военные (при неприятии самой войны). Докладчик уделил отдельное внимание текстам Феофана Прокоповича, так или иначе связанным с войной, его словарю и стилю, а также тому, как эти и другие лингвистические новаторства проявлялись в повседневном языке (понятие «отечества», глорификация смерти за отечество, отделение отечества и государства). С середины XVIII века армия начинает восприниматься как отдельное сообщество — не только с собственными обязанностями, но и правами, способностью к критической рефлексии; внутри страны также формируется отдельная связанная с войной «публичная сфера» — газетная индустрия, устная коммуникация в виде слухов, распространявшихся в различных коллективных пространствах (торговые ряды, кабаки, церкви и т.п.), а также ответная борьба государства с этими явлениями.

Второй доклад, «*Военная травма 1812 года: физические увечья и публичная немота*», был прочитан Натальей Потаповой. Вначале докладчица напомнила о представлении о Льве Толстом как создателе современного дискурса о войне, с его вниманием к страху, страданиям, физиологической точностью и кинематографичностью его прозы, а затем также привела в пример еще более ранние образцы схожего дискурса — у Альфреда де Виньи в «Неволе и величии солдата» (1835), письмах Сергея Трубецкого середины XIX века и многих других представителей «поколения отцов», совсем молодыми прошедших войну. Наталья Потапова также обратилась к описанию публичного дискурса об ампутациях (и соответствующих национальных различиях в этой практике), формированию индустрии протезов, обоснованиям необходимости социального обеспечения людей с увечьями. В конце докладчицей было выделено несколько моделей работы с увечьями среди этого поколения (помимо патриотического дискурса) — античный стоицизм, барочная ирония, реалистическое остранение, христианская субверсия.

Последним докладом как этой секции, так и всей конференции, стало выступление *Виктории Фреде* (Калифорнийский университет, Беркли), название которого — «*Дружба под самодержавием: правительствующая элита России, 1750—1840*», — отсылало к готовящейся к печати книги Фреде «*Friendship under Autocracy: the Ideology of the Russian State, 1750—1840*». Докладчица заметила, что в середине XVIII века среди государственных служащих Российской империи возникла новая модель «добродетельной дружбы» (*virtue friendship*). Концепция, положенная в основу этой модели, была заимствована из западного Просвещения, в свою очередь взявшего ее из древней Античности, где она фигурировала у Аристотеля в «Никомаховой этике» как характеристика достойных участников жизни полиса. Российские писатели (например, М.М. Херасков), также являвшиеся чиновниками, говорили о добродетельной дружбе в печати начиная с 1755 года, а уже в 1770-е годы ее признаки встречаются в переписке высокопоставленных государственных деятелей (например, Н.И. и П.И. Паниных, П.А. Румянцева). Функция подобной дружбы в переписке — служить доказательством того, что индивид достоин принадлежать к государственной элите как добродетельный гражданин, признающий первенство «общего блага» во всех правительственных делах. Таким образом, «дружба» стала частью идеологии правительствующих элит. Далее Виктория Фреде показала, что вера в эту идеологию ослабла к 1790-м годам и потеряла всякую расположенность среди власти и подданных после первых лет царствования Александра I. Точнее, как подытожила докладчица, вера в дружбу как гарант личной гражданской добродетели удержалась, но вера в «общее благо» как звено, соединяющее правительственную элиту, совсем сошла на нет, динамика чего была видна в декабристском восстании 1825 года.

Прошедшая конференция еще раз показала важность и необходимость совместного обсуждения не только самых серьезных политико-теоретических сюжетов и проблем, но также и, казалось бы, довольно обыденных и повседневных понятий. Ярким примером такого переосмысления стало слово «общество». Во-первых, его кажущаяся простота была подвергнута сомнению с точки зрения самых разных исследовательских дисциплин, перспектив и позиций: генеалогия этого слова оказалась существенно сложнее, чем это можно было себе представить, а влияния на формирование его современного значения оказалось возможным проследить из самых неожиданных источников и (кон)текстов. Во-вторых, его имплицитные, намеренно или ненамеренно скрытые, коннотации продолжают оказывать влияние не только на современный нам язык и стиль мышления, но также и на наши практики совместной жизни и понимания себя. Банальная фраза «мы живем в обществе» по итогам двух дней конференции начала играть новыми и крайне неочевидными красками, а возможные альтернативы такому словоупотреблению находились в самых разных местах и словарях — от античных полисов и современных публик до балканского слова *друштво*, отсылающего как к дружбе, так и к дружости, другому. В самом общем виде проблематика конференции актуализировала политико-философский разговор о человеческой совместности и тех формах, которые она может принимать. «Общество», «сообщество», «республика», «народ» — все эти классические понятия политического языка позволяют нам говорить об окружающей нас реальности на языке, подходящем не только для современности, но также и для вневременного диалога как с античными, так и средневековыми или современными авторами. А значит, политическая мысль, как присущая ей критика окружающего нас мира, так и самые смелые идеи по его нормативному переустройству, остается не только современной, но и, что самое главное, своевременной.

Михаил Куренков